

Славяноведение, 2024, № 1, с. 82–94

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, № 1, pp. 82–94

DOI: 10.31857/S0869544X24010068

Оригинальная статья / Original Article

Стратегия и тактика ФРГ по формированию постъюгославского пространства в 1990-е годы

© 2024 г. Ф.О. Трунов

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН)
Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

ltrunov@mail.ru

Аннотация. В статье на основе документов Бундестага проанализированы содержание и закономерности политических и военных шагов объединившейся Германии в ходе распада Югославии в 1990-е годы. Показывается ход и детерминированность усилиям ФРГ по поддержке независимости Словении и Хорватии. Исследуется линия по решению «боснийского вопроса»: разноаспектная помощь созданной мусульмано-хорватской федерации в ее борьбе с Республикой Сербской. В завершающей части работы отражены характер и особенности действий ФРГ в 1998–1999 гг. как части «коллективного» Запада по наделению края Сербии Косово предельно широкой автономией. В итоге в статье сделан вывод о наличии общих черт в политике ФРГ, направленной на поддержку сепарации союзных республик Югославии и Косово.

Ключевые слова: Германия, Балканы, Хорватия, Босния, Косово, вооруженные конфликты, дипломатия, бундесвер, НАТО.

Ссылка для цитирования: Трунов Ф.О. Стратегия и тактика ФРГ по формированию постъюгославского пространства в 1990-е годы // *Славяноведение*. 2024. № 1. С. 82–94. DOI: 10.31857/S0869544X24010068

FRG's Strategy and Tactics on the Formation of the Post-Yugoslav Space in the 1990s

© 2024. Philipp O. Trunov

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) RAS
(Moscow, Russian Federation)

ltrunov@mail.ru

Abstract. The article attempts to reveal the content and identify the patterns of united Germany's political and military steps in the situation of Yugoslavian collapse in the 1990-s. The author used the methods of historical reconstruction, event-analyses and a corpus of sources, the basis of which is the Bundestag's documents. The dynamics and direction of FRG's efforts to support the independence of Slovenia and Croatia are presented. The scientific paper explores also the line of Germany in the Bosnian

question. FRG step by step helped politically and military the Muslim-Croatian federation in its struggle against Republika Srpska. Then the author shows the character and features of the line of Germany (as part of the West) in 1998–1999 on endorsing Kosovo which is province of Serbia with maximum autonomy. The paper concludes about FRG's support for the secession of the federal republics of Yugoslavia, as well as Kosovo.

Keywords: Germany, Balkans, Croatia, Bosnia, Kosovo, armed conflicts, diplomacy, the Bundeswehr, NATO.

For citation: Philipp O. Trunov. FRG's Strategy and Tactics on the Formation of the Post-Yugoslav Space in the 1990s // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 1. P. 82–94. DOI: 10.31857/S0869544X24010068

Задача статьи — исследовать направленность и содержание политической и военной линии ФРГ в ходе формирования постъюгославского пространства. Хронологические рамки работы: нижняя — декабрь 1991 г. (признание Германией независимости двух первых союзных республик СФРЮ), верхняя — июнь 1999 г. (развертывание миссии НАТО *KFOR* в крае Косово и Метохия). Для отечественной историографии характерен акцент на политику на Балканах в этот период «коллективного» Запада в целом [Гуськова 2016; Гуськова 2017; Князева 2021; Энтина 2018], либо на изучение курса ФРГ лишь по отдельным направлениям [Петренко 2015; Шагалов 2008], либо уже в XXI в. на лапидарное обращение к ее действиям в 1990-е годы [Пушкарева 2017]. Ряд зарубежных специалистов педалируют тезисы о первоначально спонтанном [Calic 2007, 469–472; Libal 1997], в дальнейшем — о вынужденном характере действий Германии в ходе распада Югославии с целью борьбы с возникавшими в регионе угрозами нестабильности [Bendiek 2004, 73–92]. В статье предпринята попытка доказать не реактивный, а проактивный характер политики ФРГ, ее роль как полноценного встроенного субъекта процесса формирования постъюгославского пространства. Для этого использовался корпус источников, основу которых составили документы Бундестага. В работе применены методы исторической реконструкции и ивент-анализа.

Первый этап (1991–1992): поддержка независимости Словении и Хорватии

На фоне нарастания центробежных тенденций в западной части СФРЮ летом — осенью 1991 г. ФРГ *de facto* стала оказывать разноплановую поддержку Словении и Хорватии, хотя *de jure* занимала сдержанную позицию. Однако дебаты в ЕЭС и ООН показали резкое изменение подхода Бонна к ситуации на этих территориях Западных Балкан к зиме 1991 г. А 19 декабря, вопреки позиции остальных стран — участниц Европейских сообществ, Германия признала независимость Словении и Хорватии¹.

Неизбежно актуализировалась историческая аналогия: напав и разгромив Югославию в 1941 г., Третий рейх наиболее надежным сателлитом на Балканах считал провозгласившее формальную независимость хорватское государство. Безусловно, ФРГ создавалась как антипод нацистской Германии, как носитель принципов и ценностей либеральной (западной) демократии, ее распространитель — в последующем с прививкой их на политическую почву уже иных игроков, в том числе официального Загреба. Однако, как показало решение 1991 г., в полной мере продолжала работать геополитическая закономерность: желание

¹ Zeittafel vom 12.9.1990 bis 20.12.1993... S. 17.

обеспечить ориентирование Хорватии на вновь усиливавшуюся Германию. Опасаясь разобщения ЕЭС и будучи вынуждена действовать в русле решения ФРГ, группа государств объединения поддержала его 23 декабря 1991 г. Полный консенсус был достигнут лишь 15 января 1992 г.² Тем самым Боннская республика проявила не просто настойчивость, но нехарактерную ранее готовность действовать в опережение и даже в отрыве от иных игроков Запада.

Чем обусловлена тактика ФРГ? Осторожная позиция, характерная для Германии до декабря 1991 г., трактовалась германскими исследователями как выжидательная. Лишь убедив себя в неизбежности сецессий в Югославии, правительство Коля – Кинкеля начало действовать в поддержку Словении и Хорватии [Calic 2007, 471], декларируя обеспокоенность притоком беженцев с их территории в Германию [Bendiek 2004, 73–92]. Однако намного большее значение имел фактор провозглашения 3 октября 1990 г. ее объединения. Это, особенно на «коротком шаге», требовало внимания к внутренним проблемам. Прежде всего речь шла о прохождении «точки невозврата» в имплементации договоренностей с СССР о выводе его группировки войск с территории тогда уже бывшей ГДР. Данный фактор продолжал оставаться мощным сдерживающим обстоятельством для любых значимых шагов ФРГ во внешней политике. Весной 1991 г. документы были ратифицированы; к январю 1992 г. в соответствии с их положениями масштаб и военно-учебная активность группировки российских войск в новых землях Германии резко сократилась. Это создало широкое «окно возможностей» для реализации ею стратегии по формированию постъюгославского пространства с декабря 1991 г. ФРГ проявила дипломатическую напористость – действия в авангарде партнеров по Европейским сообществам и НАТО – не только в вопросе признания Словении и Хорватии, но и установления дипломатических отношений с ними³. Это представляется косвенным подтверждением тщательной проработки стратегии Германии на Балканах: выверив планы, она решительно реализовывала ее шаг за шагом по мере возникновения благоприятной обстановки.

Схема, реализованная в декабре 1991 г., легла в основу дальнейших усилий ФРГ по созданию постъюгославского пространства: активную поддержку сецессии союзных республик, а в случае осевой из них – Сербии – края, т.е. субъекта более низкого уровня. Признание независимости Словении и Хорватии было осуществлено с игнорированием вопроса об их границах и правах нацменьшинств, особенно сербского [Пушкарева 2017, 466]. Тем самым ФРГ в наименьшей степени учитывала интересы системообразующей нации СФРЮ. Данная практика, отвечая интересам властей вновь провозглашаемых государственных субъектов, получила дальнейшее распространение уже в первые месяцы 1992 г. 6 апреля Германия признала независимость Боснии и Герцеговины (БиГ), что *de facto* лишь ужесточило там ход вооруженного конфликта [Шагалов 2008, 284].

Здесь возникает вопрос: почему ФРГ ограничилась сугубо дипломатическими шагами, не подкрепив их демонстративными военными мерами для поддержки как минимум Хорватии? Немногочисленный (менее 40 человек) персонал был направлен на базу военно-транспортной авиации в Загребе в июле 1992 г. [Шагалов 2008, 291]. Большую активность ФРГ проявила в начале 1990-х годов лишь на море: сменившие друг друга миссии НАТО *Maritime Guard u Sharp Guard* (также с июля 1992 г.) стремились пресечь поставки оружия в Югославию морским

² Ibidem.

³ Chronologie des Jugoslawien-Konflikts ab dem 19.6.1991... S. 428.

путем⁴, что представляло меру по соблюдению интересов прежде всего Боснии и Хорватии. Однако наземное войсковое присутствие ФРГ под эгидой миссии ООН *UNPROFOR*, *de facto* нацеленное на защиту интересов хорватского меньшинства в БиГ, было развернуто только в августе 1995 г.⁵ Формально препятствием являлось отсутствие правовой процедуры использования бундесвера вне национальных границ: соответствующий запрет был снят в июле 1994 г.⁶ Однако это не помешало учредить указанный военно-логистический центр в Загребе (1992), направлять миротворческие контингенты бундесвера в другие регионы (прежде всего в Сомали в 1993–1994 гг.)⁷. Ключевым сдерживающим Германию фактором продолжало выступать наличие российских войск на ее новых землях. Старт их гарантированных сокращений был воспринят истеблишментом ФРГ как возможность политико-дипломатической, но отнюдь не полноценной военной активизации на Балканах. Но после завершения вывода группировки России к сентябрю 1994 г. бундесвер начал активно использоваться на территории бывших и действующих субъектов Югославии в различных формах, вплоть до собственно силовых.

*Второй этап (1992–1997): конструирование архитектуры
Боснии и Герцеговины*

ФРГ первоначально считала, что для регулирования хода вооруженных конфликтов в Балканском регионе достаточно признания независимости союзных республик. Если для Словении и с большей долей условности для Хорватии дипломатические меры оказались действенными, то в Боснии и Герцеговине признание самостоятельности властей Сараево и установление дипотношений (апрель и ноябрь 1992 г. для ФРГ соответственно [Шагалов 2008, 286]) не способствовали прекращению боевых действий между отрядами хорватов, бошняков-мусульман и бойцов Республики Сербской (РС). Стороной столкновений стали миротворцы ООН *UNPROFOR* с риском полноценного втягивания их в активные боевые действия. Из европейских стран-участниц НАТО наибольший вклад в деятельность миссии внесли Великобритания и Франция⁸, а со стороны ФРГ лишь транспортные самолеты участвовали с июля 1992 г. в организации «воздушного моста» из Загреба в Сараево, вывозя раненых и беженцев, доставляя гуманитарную помощь⁹.

ФРГ обладала заметным влиянием на хорватов в Герцеговине, в наибольшей мере отстаивая именно их интересы. Так, мерой поддержки являлось функционирование «воздушного моста». Вместе с тем германская сторона критически относилась к возможности вхождения районов с преимущественно хорватским населением в состав Хорватии. Чем обусловлен этот парадоксальный на первый взгляд подход? Одна из осевых составляющих стратегии ФРГ по формированию постъюгославского пространства заключалась в сохранении территориальной целостности союзных республик (что не исключало точечных корректировок их границ), за исключением системообразующей Сербии. В случае БиГ это было особенно актуально: в отличие от Словении или Хорватии, здесь находилась обширная область РС, населенной сербами,

⁴ The Bundeswehr on Operations... 2009. P. 65.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibid., p. 38–39.

⁷ Ibid., p. 53.

⁸ Rede von Dr. Klaus Kinkel, Bundesminister AA... 30. Juni 1995. S. 3955B-3955C.

⁹ The Bundeswehr on operations... 2009. P. 65.

и безусловно стремившейся к максимальному сближению с официальным Белградом. Для обеспечения независимости БиГ, т.е. ее сецессии, требовалось существенное ослабление позиций РС, что могло быть достигнуто только в случае сохранения в составе БиГ земель с хорватским населением и его консолидации с бошняками-мусульманами. На решение данных задач и были направлены усилия германской дипломатии в конце 1992 г. – первом полугодии 1995 г. Тесно координируя действия с США, ФРГ (прежде всего послы В. Ишингер и М. Штайнер) внесла весомый вклад в создание мусульmano-хорватской (бошняко-хорватской) федерации в марте 1994 г.¹⁰, а затем германский МИД поддержал создание Контактной группы с участием трех сторон конфликта и внешних игроков – наиболее влиятельных государств – членов НАТО, России, Югославии и Хорватии [Шагалов 2008, 288]. В понимании истеблишмента ФРГ фактор объединения оппонентов Республики Сербской в федерацию должен был вкуче с их политической поддержкой Западом обеспечить благоприятный перелом в переговорах. Однако этого не произошло из-за чрезмерных требований бошняков-мусульман, ощущавших поддержку прежде всего США, а отчасти и хорватов в Герцеговине [Гуськова 2017, 84–87], ожидавших помощи от ФРГ. Данный пример является частной иллюстрацией более общей тенденции: взятый курс на поддержку сецессии союзных республик Югославии неизбежно усложнял процесс урегулирования возникавших на различных этапах конфликтов. Ни Бонн, ни его партнеры в принципе не были готовы корректировать позиции с учетом интересов Республики Сербской. Вместо этого был избран путь усиления давления на нее, неизбежно контрпродуктивный на перспективу.

Исчезновение сдерживающего фактора в виде присутствия российских войск в Германии с осени 1994 г. позволило руководству ФРГ перейти к заметному ужесточению позиции на боснийском направлении. Стал продвигаться тезис о «пробуксовке» урегулирования, исчерпаниии возможностей германской (и в целом западной) дипломатии, что требовало дополнения предпринятых усилий полноценным военно-силовым давлением на Республику Сербскую [Libal 1997, 99]. Германскую общественность и парламентский корпус по нарастающей, с тщательным подбором Ведомством федерального канцлера, МИД и Министерством обороны аргументов убеждали в необходимости разноаспектного, в том числе боевого, использования бундесвера в Боснии. Так, в сравнении давался войсковой вклад в миссию *UNPROFOR*: значительный для Франции (4,7 тыс. миротворцев) и Великобритании (3,6 тыс. «голубых касок»), наличествовавший в принципе у Испании, Канады и Нидерландов, но отсутствовавший у Германии¹¹. Именно просьбы официальных Парижа и Лондона в связи с участвовавшими случаями нападения на их военных в составе сил ООН в Боснии обозначались властями Германии как юридическое основание для использования бундесвера, включая и силовое¹². Глава МИД ФРГ К. Кинкель представлял отряды и в целом население Республики Сербской не просто как этническое меньшинство, но возлагал на его бойцов практически всю ответственность за преступления в отношении мирного населения¹³. Оба данных

¹⁰ Laudatio von Staatsminister Gernot Erler auf Dr. Christian Schwarz-Schilling anlässlich der Verleihung des Hessischen Friedenspreises, Wiesbaden, 20.11.2007...

¹¹ Rede von Dr. Klaus Kinkel, Bundesminister AA... 1995. S. 3955B-3955C.

¹² Ibid., s. 3956B-3956C.

¹³ Ibid., s. 3956B.

тезиса далеко не соответствовали действительности, представляя элементы пост-правды в информационном освещении.

Чем обусловлены относительная продолжительность (более полугодя к концу июня 1995 г.) подготовки решения о применении бундесвера в Боснии? С одной стороны, это было первое масштабное использование вооруженных сил ФРГ за пределами национальных границ после принятия соответствующей правовой процедуры (1994)¹⁴. С другой – символично, что именно на Балканах вновь объединившаяся Германия впервые продемонстрировала способность проецировать силу. Неизбежно возникало обращение к фактору исторической памяти: немецкой агрессии в отношении Югославии и установлению профашистского режима Независимой державы Хорватии (НДХ), в том числе и на территории Боснии. Стремясь не допустить подобных аналогий, руководство ФРГ подчеркивало, во-первых, вынужденный характер своих действий – с целью защиты участников миссии *UNPROFOR*, особенно из западных стран¹⁵. Во-вторых, оно вписывало предпринимаемые шаги в контекст многосторонних усилий «коллективного» Запада в целом¹⁶. Наконец, в-третьих, часто бездоказательно обвиняя бойцов РС в преступлениях против человечности, официальный Бонн подталкивал к сравнению именно их с гитлеровским режимом¹⁷. Заявив об успешном осуществлении модернизации по стандартам либеральной демократии, ФРГ провозгласила себя защитницей международного сообщества от радикализма в его различных проявлениях¹⁸. Тем самым, начиная с Боснии в 1995 г., Германия стремилась найти свою формулу участия в гуманитарных интервенциях Евро-Атлантического сообщества. Притом военно-воздушная (силовая) операция НАТО подавалась как необходимая мера по поддержке миротворческой (несиловой) миссии ООН в увязке с участием ФРГ в обеих.

Однако данная аргументация встретила отнюдь не однозначную реакцию депутатского корпуса Бундестага на обсуждении 30 июня 1995 г. Лидер оппозиционной в тот момент СДПГ Р. Шарпинг заявил, что удовлетворение запроса правительства меняет основы внешней политики ФРГ¹⁹. Его точку зрения поддержал видный представитель «Зеленых» Й. Фишер. Оба оратора ставили под сомнение не саму поддержку мусульмано-хорватской федерации, но использование Германией военного инструментария²⁰. Лидер «левых» Г. Гизи указал, что шаги правительства ФРГ окончательно утверждают ее в положении участницы войн в Югославии²¹. В ходе голосования в поддержку запроса федерального правительства высказались образовавшие его фракции блока ХДС/ХСС и СвДП, а также примерно половина СДПГ и отдельные депутаты «Зеленых». В итоге всего из 655 парламентариев «за» высказались 386 (или почти 59%), «против» 258 (свыше 39%), воздержались – 11 человек²². Результаты голосования отразили не только заметные колебания политической элиты того времени по вопросу допустимости боевого использования бундесвера вне границ Германии, но и постепенный сдвиг общественных настроений в сторону

¹⁴ Ibid., s. 3956C.

¹⁵ Ibid., s. 3955C.

¹⁶ Ibid., s. 3955C, 3956C-3956D.

¹⁷ Ibid., s. 3956A-3956B.

¹⁸ Ibid., s. 3957B.

¹⁹ Rede von Rudolf Scharping (SPD) // Plenarprotokoll 13/48. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 48. Sitzung. Bonn, Freitag, 30. Juni 1995. S. 3959A-3959B.

²⁰ Rede von Joseph Fischer (Frankfurt) (Bündnis 90/die Grünen)... 30. Juni 1995. S. 3971A-3973D.

²¹ Rede von Dr. Gregor Gysi (PDS)... 30. Juni 1995. S. 3980A-3981D.

²² Namentliche Abstimmung. ... 30. Juni 1995. S. 4017A-4019C.

одобрения подобных действий. Здесь Балканский регион отнюдь не случайно выступал «лакмусовой бумажкой» для внешней политики ФРГ в целом.

8 августа 1995 г. в состав миссии *UNPROFOR* был направлен германский контингент, установленной предельной численностью («потолком») в 1,7 тыс. военнослужащих²³. Его разместили на территории мусульмано-хорватской федерации в БиГ и отчасти в Хорватии. Значительную часть контингента ФРГ составляли подразделения военно-разведывательной и транспортной авиации, а также медицинский персонал²⁴. Иными словами, собственно войсковые подразделения были немногочисленны (менее батальона), что во многом объяснялось стремлением правительства снизить риск потерь.

С 30 августа по 20 сентября 1995 г. ВВС ФРГ в составе военно-воздушной миссии НАТО *Deliberate Force* приняли участие в бомбардировках территории Республики Сербской. Практический вклад ФРГ и в данном случае был ограничен: люфтваффе было совершено всего 59 самолетовылетов [Пушкарева 2017, 467], т.е. в среднем менее трех ежедневно, а основную нагрузку принимали ВВС США. В условиях оказываемого на РС военно-силового давления официальный Белград, а затем сама республика согласились на схему переговоров, предложенную ведущими «западными демократиями». Обсуждение условий примирения проходило на военной базе Дейтон в США. Наряду с принимающей стороной ФРГ оказала заметное влияние на ход переговоров. Было установлено соотношение площадей мусульмано-хорватской федерации и РС как 51 и 49%, притом территория последней разделялась на две части. Фиксировались показатели сокращений численности отрядов РС и вооруженных сил Югославии, притом военизированные формирования бошняков и хорватов, армия официального Загреба, напротив, *de facto* усиливались [Гуськова 2017, 90, 93–94]. Важным моментом являлось утверждение механизма жесткого контроля над выполнением заключенного 14 декабря 1995 г. соглашения, которое определяло контуры конституционного устройства БиГ. В военном отношении основную нагрузку принимала миссия НАТО *IFOR* по миротворчеству и поддержанию мира, развертываемая на основе решения ООН, в политическом – Руководящий орган по выполнению Дейтонского соглашения и персонально Верховный представитель. Последний имел широкие права в смысле введения санкций в отношении БиГ, ее субъектов (прежде всего РС) в случае нарушений положений документа. В политическом блоке, в отличие от военного, институционально ключевую роль играла уже не НАТО, но ЕС.

В преддверии подписания Дейтонского соглашения – 6 декабря 1995 г. – правительство Германии поставило вопрос перед законодателями о направлении войскового контингента предельной численностью в четыре тысячи военнослужащих (эквивалент половины бригады) в состав миссии Альянса *IFOR* (7% от ее общей численности)²⁵. Тем самым ФРГ вновь, как и в случае *Deliberate Force*, заметно отставала от США по абсолютной численности контингента, но вносила вклад, заметный по удельному весу (в сравнении с другими европейскими странами), и главное – по политическому влиянию. Запрос федерального правительства 6 декабря был одобрен Бундестагом с намного большим преимуществом, чем 30 июня 1995 г.: из 656 депутатов «за» высказались 543 (почти 82% против 59%), «против» 107 (более 16% против 39%), воздержались шесть

²³ The Bundeswehr on operations... 2009. P. 65.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Rede von Bundeskanzler Dr. Helmut Kohl... Mittwoch, 6. Dezember 1995. S. 6633A.

парламентариев²⁶. Разницу обеспечило изменение позиции части депутатов СДПГ и особенно «Зеленых»; фракция «левых» полностью сохранила негативное отношение к использованию бундесвера на Балканах. Различия в голосовании объяснялись *de jure* небоевым характером миссии *IFOR* в сравнении с *Deliberate Force*. В отличие от *UNPROFOR*, *IFOR* развертывалась не в условиях продолжавшегося вооруженного конфликта, но уже по достижению договоренностей о прекращении огня. Это должно было минимизировать риск втягивания бундесвера в боестолкновения и его потерь.

Действительно, уровень насилия постепенно снижался. Хотя страны – участницы НАТО стремились обеспечить за собой основную роль в урегулировании, заметный положительный вклад внесла Россия, чьи миротворцы были развернуты в зоне оперирования *IFOR*. Германские военные участвовали в патрулировании и мониторинге режима прекращения огня, изъятии у бойцов отрядов РС избыточных по Дейтонскому соглашению оружия и техники²⁷, одновременно содействуя таким образом усилению мощи формируемой мусульmano-хорватской конфедерации.

В 1996 г., силы *IFOR* были реорганизованы в *SFOR*, притом максимальная численность германского контингента осталась значительной – 3,0 тыс. военных [Шагалов 2008, 294]. Его основные силы были сконцентрированы в районах Сараево, а также Коньиц, Фоча и Горажде²⁸ – последний передавался от РС к мусульmano-хорватской федерации, что сопровождалось массовой эмиграцией оттуда местного сербского населения [Гуськова 2017, 89]. Притом боснийское направление стало одним из тех, где создавался образ германского военнoслужашего-миротворца – логично, что при этом оттенялись факты боевого применения бундесвера в 1995 г. Педалировалось участие солдат и офицеров ФРГ в восстановлении социальных объектов (школ, больниц) и жилого фонда в сотрудничестве с другими ведомствами Германии (прежде всего, экономического сотрудничества и развития), властями БиГ различного уровня²⁹.

Третий этап (1998–1999): осуществление предельной автономизации Косово

Именно в Боснии ФРГ в тесном согласии с другими странами – участницами НАТО отработала тактики политико-дипломатического и военного продавливания требуемой схемы в ходе очередной фазы формирования постъюгославского пространства. В отшлифованном виде данный опыт вновь был применен в Косово – уже не союзной республики, но автономного края самой Сербии. Посчитав, что в БиГ к 1998 г. достигнута «точка невозврата» в реализации определенного в Дейтоне пути урегулирования, ведущие игроки Запада перефокусировали предельное внимание на Косово, что проявилось в заметном ужесточении критики официального Белграда в рамках профильной Контактной группы. Стремясь смягчить напряженность, единственный незападный участник формата – Россия – сыграла значимую роль в принятии резолюции № 1199 Совета Безопасности ООН (1998), призывавшей к предоставлению разумного увеличения автономных прав Косова при условии того, что оно безусловно остается в составе Сербии. Однако «западные демократии» обвинили Югославию в нарушении этой резолюции и вновь, как и в 1995 г. в Боснии, пригрозили ей военно-силовым вмешательством.

²⁶ Namentliche Abstimmung. 6. Dezember 1995. S. 6673B-6675D.

²⁷ The Bundeswehr on operations... 2009. P. 65.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibidem.

В отличие от тогдашней ситуации, с октября 1998 г. ФРГ заняла намного более активную позицию, наряду с США превратившись в наиболее непримиримого оппонента официального Белграда. Не в пример обсуждению 30 июня 1995 г. дискуссия 16 октября 1998 г. в Бундестаге продемонстрировала широкое межпартийное согласие в вопросе боевого использования бундесвера: решение поддержали как уходившее в отставку правительство от ХДС/ХСС и СвДП³⁰, так и новый кабинет СДПГ³¹ и Партии зеленых³². Притом антиюгославская риторика готовившегося стать канцлером социал-демократа Г. Шрёдера и стоявшего в июне 1995 г. на совершенно иной позиции Й. Фишера была даже жестче, чем у министров правительства Коля – Кинкеля. Почему? Это свидетельствовало о завершении складывания согласия этаблированных партий (т.е. всех, представленных в Бундестаге, кроме Лево́й партии) о необходимости разнопланового, в том числе собственно силового, использования бундесвера на территории бывших и действующих субъектов Югославии. В основе консенсуса лежало стремление посредством военной активности под эгидой НАТО на Балканах утвердить ФРГ в положении региональной державы, притом уже на уровне Евро-Атлантического сообщества. Эта линия стартовала в первые годы после провозглашения Федеративной Республики (1949), завершившись в 1999 г. угрозой применения силы против Югославии, ее реализацией и хронологически одновременно осуществленным переносом столицы из Бонна в Берлин. Эта детерминированность предопределила не только жесткость декларативного уровня политики ФРГ на Балканах в конце 1990-х годов, но и невиданный для нее масштаб использования бундесвера: «потолок» контингента наземной группировки НАТО в Косове по стабилизации был установлен в 8,5 тыс. солдат и офицеров³³ (эквивалент усиленной бригады).

В ходе голосования 16 октября 1998 г. запрос правительства о применении бундесвера в военно-воздушной операции НАТО одобрило подавляющее большинство депутатского корпуса: из 580 депутатов 500 (или свыше 86%) высказались «за», 62 (около 11%) «против» при 18 воздержавшихся: основу критиков решения составила фракция «Лево́й» партии³⁴. Аргументация властей ФРГ в основе была той же, что и в 1995 г.: утверждение, что Германия действует в рамках многосторонних усилий НАТО по защите мирного населения Косова от преступлений официального Белграда, не приводя соответствующих доказательств³⁵; при этом жесткость противоположной стороны – повстанцев из «Армии освобождения Косово» – вновь замалчивалась. Исходя во многом из переговорной линии югославской делегации во главе с С. Милошевичем в Дейтоне [Гуськова 2017, 89–95], Г. Шрёдер в октябре 1998 г. считал, что непосредственно до применения силы дело не пойдет: уже сама угроза заставит официальный Белград пойти на требуемые уступки³⁶.

Действительно, югославская сторона согласилась обсудить новую схему урегулирования. Ведущие страны – участницы НАТО концептуализировали ее 22 февраля 1999 г. в виде «плана Рамбуйе». Документ предполагал вывод с территории Косово югославских войск, размещение там наземной войсковой миссии Альянса (по образцу *IFOR/SFOR*) с провозглашением предельно широких прав администрации края. Иными словами, Косово переходило под внешнее управление

³⁰ Rede von Volker Rühe, Bundesminister BMVg... 16. Oktober 1998. S. 23133D-23135B.

³¹ Rede von Gerhard Schröder, Ministerpräsident (Niedersachsen)... 16. Oktober 1998. S. 23135C-23138B.

³² Rede von Joseph Fischer (Frankfurt) Bündnis 90/die Grünen... 16. Oktober 1998. S. 23141A-23142D.

³³ Antrag der Bundesregierung... Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Drucksache 14/1133, 11.06.1999. S. 3–4.

³⁴ Namentliche Abstimmung... Freitag, 16. Oktober 1998. S. 23161B-23163D.

³⁵ Rede von Joseph Fischer... Bonn, Freitag, 16. Oktober 1998. S. 23141A-23142D.

³⁶ Rede von Gerhard Schröder ... Bonn, Freitag, 16. Oktober 1998. S. 23135C-23138B.

Запада, как ранее и Би Г. Однако, в отличие от Республики Сербской, эта территория являлась частью Сербии, что делало неприемлемым принятие «плана Рамбуйе» Белградом. Германская сторона была, однако, уверена в положительном результате: 25 февраля 1999 г. правительство Шрёдера – Фишера запросило санкцию Бундестага на предоставление контингента (4,5 тыс. солдат и офицеров) в состав планируемой к развертыванию наземной войсковой миссии НАТО по миротворчеству и поддержанию мира *Extraction Force*³⁷. «За» высказались 553 из 604 (почти 92%) парламентариев, что отражало укрепление и без того сильного межпартийного консенсуса («против» высказались в основном лишь депутаты «Левой» партии) по вопросу применения бундесвера на Балканах.

На этом фоне отказ Югославии принять «план Рамбуйе» в Берлине восприняли крайне негативно. Именно ФРГ стала принимающей стороной Европейского совета 24 марта 1999 г., на котором была одобрена военно-воздушная операция НАТО в Сербии, начавшаяся сразу же следующей ночью. В телефонном разговоре с председателем правительства РФ Е.М. Примаковым 24 марта 1999 г. Шрёдер дал понять, что, несмотря на продолжающиеся усилия РФ по дипломатическому урегулированию конфликта, вопрос о многостороннем военном ударе Запада предрешен³⁸. Начались бомбардировки Сербии, обозначенные как операция *Allied Force* НАТО. В сопоставлении с *Deliberate Force* (1995) боевая активность ВВС ФРГ, с одной стороны, была выше [Пушкарева 2017, 467], с другой – интенсивность использования люфтваффе оставалась несоизмеримо меньше, чем авиации США. По продолжительности и сложности проведения *Allied Force* логично оказалась для Альянса намного более трудоемкой задачей. Операция рисковала затянуться намного дольше, чем *Deliberate Force*. Вместе с тем асимметрия военной мощи вынудила официальный Белград принять условия ведущих игроков Запада, что нашло отражение в резолюции № 1244 Совета Безопасности ООН 10 июня 1999 г.

KFOR развертывались во многом по схеме *IFOR*, представляя военный механизм игроков Запада, нацеленный на фактическое обособление Косова. В отличие от 1995 г., подключение РФ в отдельной зоне ответственности не планировалось, но было осуществлено («бросок на Приштину»), на практике показав наличие влиятельного незападного игрока со сбалансированным подходом к урегулированию конфликта. Уже отмечалось, что ФРГ выделила очень крупным по национальным меркам контингент (до 8,5 тыс. военных), что окончательно закрепило ее в роли одного из ведущих модераторов постъюгославского пространства.

* * *

Действия добившейся **объединения** ФРГ на Балканах содействовали **распаду** Югославии: мощь одного, восходящего, игрока во многом нарабатывалась в условиях и посредством ослабления другого, утрачивавшего международную субъектность. Придерживаясь концепции мультилатерализма, Германия последовательно повышала удельный вес в выработке и реализации решений Евро-Атлантического сообщества. Эта тенденция достигла пиковых показателей в конце 1990-х годов, когда ФРГ утвердилась в роли второго по влиятельности после США центра принятия решений на Западе по Балканам. Хронологически стратегия Германии состояла в 1990-е годы из трех этапов. В ходе первого из них (1991–1992) фокус был обращен на поддержку независимости Словении и Хорватии, второго (1992–1997) – Боснии и Герцеговины (с ослаблением Республики Сербски),

³⁷ Namentliche Abstimmung... 25. Februar 1999. S. 1715B-1717D.

³⁸ *Примаков Е. М.*, 154.

третьего (1998–1999) – предельной широкой автономизации Косово. Тем самым ФРГ перемещала внимание с запада на восток, от границ Евро-Атлантического сообщества. Концептуально закреплением действий последнего стало внедрение понятия «Западные Балканы» (вместо «Балкан», «постъюславского пространства» или «бывшей Югославии») для обозначения региональных игроков, не вступивших в ЕС [Романенко 2021, 32]. Этот термин должен был закрепить в сознании масс безальтернативность ориентированности данных акторов на «коллективный» Запад [Польвянный 2015, 44–48], что объективно не могло не породить рост напряженности на Балканах [Князева 2021; Пономарева, Рудов 2020]: РС недовольна навязыванием ей соглашения о стабилизации и ассоциации с ЕС [Гуськова 2017, 90], для Сербии весьма острым остается вопрос сближения с НАТО, к чему ее подталкивают «западные демократии» [Пономарева, Рудов 2020, 111–121]. Активное участие ФРГ в разработке и распространении концептуального понятия «Западные Балканы» [Калоева 2019] стало еще одним подтверждением наличия у нее единой стратегии в регионе еще с 1990-х годов. Тогда в основе линии ФРГ лежал принцип усиливаемого давления на официальный Белград и различные сербские (проюгославские) силы в целом: сначала в политико-дипломатической плоскости, затем (в случае необходимости) – со смещением и в военную область. Жесткая риторика сочеталась с относительно ограниченным собственно силовым использованием бундесвера (операции *Deliberate Force* и *Allied Force*), за которым следовало его намного более активное и масштабное наземное войсковое *de jure* небоевое приращение (миссии *IFOR/SFOR* и *KFOR* соответственно).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БиГ – Босния и Герцеговина.
 ЕЭС – Европейское экономическое сообщество.
 РС – Республика Сербская.
 СДПГ – социал-демократическая партия Германии.
 СвДП – партия свободных демократов.
 ХДС/ХСС – христианско-демократический союз/христианско-социальный союз.
Allied Force – операция «Союзная сила».
Deliberate Force – операция «Обдуманная сила».
IFOR – Implementation Force, Силы по выполнению соглашения (СВС).
KFOR – Kosovo Force, Силы для Косово (СДК).
SFOR – Stabilization Force, Силы по стабилизации (СПС).
UNPROFOR – UN Protection Force, Силы ООН по охране (СООНО).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Примаков Е. М. Восемь месяцев плюс... М.: Мысль, 2001. 240 с.
 Antrag der Bundesregierung. Deutsche Beteiligung an einer internationalen Sicherheitspräsenz im Kosovo zur Gewährleistung eines sicheren Umfeldes für die Flüchtlingsrückkehr und zur militärischen Absicherung der Friedensregelung für das Kosovo. Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Drucksache 14/1133, 11.06.1999. 16 S.
 Chronologie des Jugoslawien-Konflikts ab dem 19.6.1991 // Deutsche Außenpolitik nach der Einheit 1990–1993. Bonn: Auswärtiges Amt, 1993. S. 428–431.
 Laudatio von Staatsminister Gernot Erler auf Dr. Christian Schwarz-Schilling anlässlich der Verleihung des Hessischen Friedenspreises, Wiesbaden, 20.11.2007 // Auswärtiges Amt [сайт]. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/071120-erler-hess-friedenspreis/219246> (accessed: 28.10.2022).
 Namentliche Abstimmung. Deutsche Beteiligung an den Maßnahmen zum Schutz und zur Unterstützung des schnellen Einsatzverbands im früheren Jugoslawien einschließlich der Unterstützung eines eventuellen Abzugs der VN-Friedenstruppen // Plenarprotokoll 13/48. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 48. Sitzung. Bonn, Freitag, 30. Juni 1995. S. 4017A–4019C.

- Namentliche Abstimmung. Deutsche Beteiligung an den militärischen Maßnahmen zur Absicherung des Friedensvertrags für Bosnien-Herzegowina // Plenarprotokoll 13/76. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht. 76. Sitzung. Bonn, Mittwoch, 6. Dezember 1995. S. 6673B–6675D.
- Namentliche Abstimmung. Deutsche Beteiligung an den von der NATO geplanten begrenzten und in Phasen durchzuführenden Luftoperationen zur Abwendung einer humanitären Katastrophe im Kosovo-Konflikt // Plenarprotokoll 13/248. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 248. Sitzung. Bonn, Freitag, 16. Oktober 1998. S. 23161B–23163D.
- Namentliche Abstimmung. Deutsche Beteiligung an der militärischen Umsetzung eines Rambouillet-Abkommens für den Kosovo sowie an NATO-Operationen im Rahmen der Notfalltruppe (Extraction Force) // Plenarprotokoll 14/22. Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 22. Sitzung. Bonn, Donnerstag, 25. Februar 1999. S. 1715B–1717D.
- Rede von Bundeskanzler Dr. Helmut Kohl // Plenarprotokoll 13/76. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht. 76. Sitzung. Bonn, Mittwoch, 6. Dezember 1995. S. 6632A–6634C.
- Rede von Dr. Gregor Gysi (PDS) // Plenarprotokoll 13/48. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 48. Sitzung. Bonn, Freitag, 30. Juni 1995. S. 3978D–3982A.
- Rede von Dr. Klaus Kinkel, Bundesminister AA // Plenarprotokoll 13/48. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 48. Sitzung. Bonn, Freitag, 30. Juni 1995. S. 3855B–3959A.
- Rede von Gerhard Schröder, Ministerpräsident (Niedersachsen) // Plenarprotokoll 13/248. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 248. Sitzung. Bonn, Freitag, 16. Oktober 1998. S. 23135C–23138B.
- Rede von Joseph Fischer (Frankfurt) (Bündnis 90/die Grünen) // Plenarprotokoll 13/48. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 48. Sitzung. Bonn, Freitag, 30. Juni 1995. S. 3970D–3975C.
- Rede von Joseph Fischer (Frankfurt) Bündnis 90/die Grünen // Plenarprotokoll 13/248. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 248. Sitzung. Bonn, Freitag, 16. Oktober 1998. S. 23141A–23142D.
- Rede von Rudolf Scharping (SPD) // Plenarprotokoll 13/48. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 48. Sitzung. Bonn, Freitag, 30. Juni 1995. S. 3959A–3965B.
- Rede von Volker Rühe, Bundesminister BMVg // Plenarprotokoll 13/248. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 248. Sitzung. Bonn, Freitag, 16. Oktober 1998. S. 23133D–23135B.
- The Bundeswehr on Operations. Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. 120 p.
- Zeittafel vom 12.9.1990 bis 20.12.1993. // Deutsche Außenpolitik nach der Einheit 1990–1993. Bonn: Auswärtiges Amt, 1993. S. 13–27.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гуськова Е. Ю. Вооруженный конфликт и политическое урегулирование: кризис диалоговой модели на Балканах в 90-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 78–94.
- Гуськова Е. Ю. Вооруженный конфликт и политическое урегулирование: кризис диалоговой модели на Балканах в 90-е годы XX века (окончание) // Новая и новейшая история. 2017. № 1. С. 82–99.
- Калоева Е. Б. Отечественные и зарубежные исследователи о настоящем и будущем Западных Балкан. (Аналитический обзор) // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 3. С. 235–265.
- Князева С. Е. Проблема вступления в ЕС балканских стран и расширения ЕС в контексте ценностной модели Европейского союза // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 2. С. 176–193.
- Петренко Е. А. Роль Германии в Боснийской войне (1990–1995 гг.) // Гилея: научный вестник. 2015. № 98. С. 141–146.
- Польвянный Д. И. «Балканизация» и «европеизация» на юго-востоке Европы // Современная Европа. 2015. № 5. С. 36–47.
- Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. НАТО – Югославия: перспективы расширения альянса на Балканах // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 1. С. 108–125.
- Пушкарева В. В. Внешняя политика современной Германии на постъюгославском пространстве // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. № 4. С. 466–474.
- Романенко С. А. Балканы / Юго-Восточная Европа: регион-загадка и регион загадок // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 2. С. 22–58.
- Шагалов А. В. Роль Германии в урегулировании конфликта в Боснии и Герцеговине В 1992–1995 гг. // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия гуманитарные науки. 2008. № 7. С. 284–296.

- Энтина Е. Г. Евро-атлантическая интеграция республик бывшей Югославии и российский фактор // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 1. С. 192–208.
- Bendiek A. Der Konflikt im ehemaligen Jugoslawien und die Europäische Integration. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. 372 p.
- Calic M.-J. Ex-Jugoslawien // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2007. Pp. 468–481.
- Libal M. Limits of persuasion: Germany and the Yugoslav crisis, 1991–1992. Westport, London: Praeger, 1997. 217 p.

Рукопись поступила в редакцию 03.10.2023

Рукопись принята к печати 30.12. 2023

REFERENCES

- Bendiek A. Der Konflikt im ehemaligen Jugoslawien und die Europäische Integration. Wiesbaden, Verlag für Sozialwissenschaften, 2004, 372 p.
- Calic M.-J. Ex-Jugoslawien. Handbuch zur deutschen Außenpolitik, hrsg. S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. Wiesbaden, Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH, 2007, pp. 468–481.
- Gus'kova Je. Iu. Vooruzhennyi konflikt i politicheskoe uregulirovanije: krizis dialogovoi modeli na Balkanakh v 90-je gody XX veka (okonchanije). Novaia i noveishaia istoriia, 2016, no. 6, pp. 78–94. (In Russ.)
- Gus'kova Je. Iu. Vooruzhennyi konflikt i politicheskoe uregulirovanije: krizis dialogovoi modeli na Balkanakh v 90-je gody XX veka (okonchanije). Novaia i noveishaia istoriia, 2017, no. 1, pp. 82–99. (In Russ.)
- Entina Je. G. Jevro-atlanticheskaiia integratsiia respublik byvshei Jugoslavii i rossiiskii factor. *Aktual'nyje problemy Jevropy*. 2018, no. 1, pp. 192–208. (In Russ.)
- Kalojeva Je. B. Otechestvennyje i zarubezhnyje issledovateli o nastoiashchem i budushchem Zapadnykh Balkan. (Analiticheskii obzor). *Aktual'nyje problemy Jevropy*, 2019, no. 3, pp. 235–265. (In Russ.)
- Kniazeva S. Je. Problema vstupleniia v JES balkanskikh stran i rasshireniia JES v kontekste tsennostnoi modeli Jevropeiskogo soiuza. *Aktual'nyje problemy Jevropy*, 2021, no. 2, pp. 176–193. (In Russ.)
- Libal M. *Limits of persuasion: Germany and the Yugoslav crisis, 1991–1992*. Westport, London, Praeger, 1997, 217 p.
- Petrenko E. A. Rol' Germanii v Bosnijskoj vojne (1990–1995 gg.). *Gileja: nauchnyj vestnik*, 2015, no. 98, pp. 141–146. (In Russ.)
- Polyvjannyj D. I. «Balkanizacija» i «evropeizacija» na jugo-vostoke Evropy. *Sovremennaja Evropa*, 2015, no. 5, pp. 36–47. (In Russ.)
- Ponomareva E. G., Rudov G. A. NATO – Jugoslaviia: perspektivy rasshireniia al'jansa na Balkanah. *Vestnik diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossija i mir*, 2020, no. 1, pp. 108–125. (In Russ.)
- Pushkareva V. V. Vneshniaia politika sovremennoi Germanii na postjugoslavskom prostranstve. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnyje otnosheniia*, 2017, no. 4, pp. 466–474. (In Russ.)
- Romanenko S. A. Balkany. Jugo-Vostochnaja Evropa: region-zagadka i region zagadok. *Aktual'nyje problemy Jevropy*, 2021, no. 2, pp. 22–58.
- Shagalov A. V. Rol' Germanii v uregulirovanii konflikta v Bosnii i Gertsegovine v 1992–1995 gg. *Uchenyie zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia gumanitarnyie nauki*, 2008, no. 7, pp. 284–296.

Received on 03.10.2023

Accepted on 30.12.2023

Информация об авторе:

Трунов Филипп Олегович
кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник
ИНИОН РАН
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-7092-4864
E-mail: Itrunov@mail.ru

Information about the author:

Philipp O. Trunov
PhD (Political Science),
Senior Researcher
INION RAS
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7092-4864
E-mail: Itrunov@mail.ru